

Е. В. Кодин

Российская история на страницах зарубежных научных журналов: эволюция подходов и оценок в XXI веке

Немногим более 15 лет тому назад, 11 ноября 2000 г., в Денвере, штат Колорадо, профессор Джорджтаунского университета Майкл Дэвид-Фокс (*Michael David-Fox*) в своем выступлении на 32-м годичном заседании Американской ассоциации по продвижению славянских исследований (*American Association for the Advancement of Slavic Studies, AAASS*) презентовал идеи и планы воссоздания новой версии журнала «Критика» и поставил перед участниками дискуссии вопрос о роли научных журналов в определении ключевых направлений исторических исследований. Проблема была озвучена в аллегорической форме: собака ли виляет хвостом или хвост виляет собакой, т. е. *основные направления в исторических исследованиях находят свое отражение в научных журналах или же сами журналы формируют эти направления?* Другими словами, академические журналы лишь отражают или одновременно и формируют «стадную ментальность»¹ (*the herd mentality*)? Ответ самого автора звучал так: здесь присутствует и то и другое².

Изменилось ли что-то по истечении 15 лет? Попытаемся понять это, рассмотрев публикации в трех основных отраслевых научных журналах, история которых уходит в середину XX века: *The Russian Review*; *Slavic Review*; *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, — имея в виду, что создатели

Кодин Евгений Владимирович
доктор исторических наук, профессор,
Смоленский государственный университет
(Смоленск, Россия)

последнего издания изначально собирались продолжить идеи «Критики» Ричарда Пайпса. Очевидно, что именно эти журналы до сих пор занимают ведущие позиции в сфере *Russian area studies*.

При этом анализировать публикации по всей российской истории в одной статье не представляется возможным. Поэтому мы вычленим из всего многообразия только те исследования, которые посвящены наиболее актуальному периоду советской истории — ее первым десятилетиям. Довоенному периоду советской истории в зарубежной исторической науке как раньше, так и сейчас, уделяется очень большое внимание. Хотя в последние годы появляется все больше работ, посвященных постсталинскому периоду, особенно эпохе оттепели. Главный редактор «Критики» считает, что даже отдельно о 1930-х гг. можно говорить как о самостоятельном научном направлении — «исследованиях 1930-х» (*1930s Studies*)³. По его словам в редакторской колонке первого номера «Критики» за 2003 г., здесь не может быть никакой ошибки: «Мы живем в эру “изучения 1930-х”, во время “диктатуры этого десятилетия” (*dictatorship of the decade*)»⁴. Правда, в настоящее время сам Дэвид-Фокс активно включился в разработку послевоенной тематики.

При этом в сферу нашего внимания попадают только работы по политической и социальной истории СССР, за пределами остаются такие важные сферы жизни советского государства и общества, как экономика, культура, внешняя политика, религия, национальные отношения и др.

Два первых журнала из нашего списка имеют долгую и достойную издательскую историю.

Журнал *The Russian Review* ведет свое начало с 1941 г. Вдохновителем, организатором и первым редактором журнала на протяжении 33 лет был эмигрант из России Дмитрий Сергеевич фон Мореншильд⁵. «История *The Russian Review*, — вспоминал он сам в 2001 г., — началась летом 1941 г. в моей квартире по адресу 950 Парк Авеню, Нью-Йорк Сити»⁶. Нынешний редактор журнала Ив Левин (*Eve Levin*) пишет, что в то время «*Slavic studies* как самостоятельное направление было едва заметным в Соединенных Штатах», но после того, как в июне 1941 г. Советский Союз вступил во Вторую мировую войну на стороне западных союзников, настало время для издания нового журнала, «посвященного прошлому и настоящему России»⁷.

Посильную помощь обещал работавший в Гарварде профессор М. М. Карпович. На первых порах не только морально, но и финансово помогал Б. А. Бахметьев — профессор Колумбийского университета и одновременно успешный бизнесмен. Активно участвовал в создании журнала бывший военно-морской офицер, на тот момент президент фонда *Russian Student Fund* Алексис Вайрен (*Alexis Wirén*). Шеф-редактором стал известный американский журналист, с 1920 по 1933 г. работавший в Советском Союзе корреспондентом *The Christian Science Monitor*, Вильям Чэмберлин (*W. H. Chamberlin*), автор нескольких книг о Советском Союзе.

Целью журнала редакция провозгласила формирование непредвзятой оценки российской истории, цивилизации и культуры, приглашая к сотрудничеству авторов с различными взглядами. В предисловии к первому номеру Вильям Чэмберлин заявлял, что редакция принимает к публикации самый широкий круг материалов,

но будет отклонять все, что отражает коммунистическую или нацистскую точки зрения⁸. Первый номер содержал одиннадцать статей, в том числе материалы Алданова о Витте, Набокова о Лермонтове, профессора Тимашова о церкви в СССР и др. Номер имел успех. История журнала началась.

Уже осенью 1941 г. Дмитрий фон Мореншильд получил приглашение для чтения курса русской истории в Дартмут-колледж (*Dartmouth College, Hanover, NH*). Редактор «забрал журнал с собой», и двадцать три года он издавался в Вермонте.

В 1949 г. журнал начал выходить не два, а четыре раза в год, объем увеличился в два раза, существенно возросло число книжных рецензий.

В 1967 г. Дмитрий фон Мореншильд перешел на работу в Стэнфорд, а вместе с ним туда переехал и журнал. Стэнфордский университет спонсировал издание *The Russian Review*, выделил помещение для редакции, ставку секретаря, обеспечивал телефонной связью, предоставлял библиотечные ресурсы. В 1973 г., с уходом на пенсию, Дмитрий фон Мореншильд сложил с себя полномочия редактора журнала.

Портфель редактора *The Russian Review* в 1974 г. перешел к профессору Стэнфордского университета Теренсу Эммонсу (*Terence Emmons*). При нем журнал стал другим. «Антисоветское направление», как его определил третий редактор Дэниел Филд (*Daniel Field*), вызванное эпохой холодной войны, было заменено «новым курсом», журнал стал «по-настоящему научным»⁹. Это оказалось возможным благодаря тому обстоятельству, что за 1950–1960-е гг. возникла целая когорта хорошо подготовленных ученых. Исследователи стремились опубликовать в журнале свои лучшие работы. На страницах журнала появились работы по новым научным направлениям: социальная история, советская литература, гендерные исследования и др.

Однако в начале 1980-х гг. Стэнфорд прекращает финансирование журнала. Из-за отсутствия средств встал вопрос о его возможном закрытии. В итоге издательский офис перебирается в университет штата Огайо. Редактором становится профессор Дэниел Филд (*Daniel Field*) из Сиракузского университета (1981–1988 г.). С его именем связано несколько инноваций: широкое внедрение компьютерных технологий в издательский процесс, введение раздела колонки редактора, тематических круглых столов, привлечение на страницы журнала советских ученых.

Большие изменения в журнале произошли, когда редактором журнала был Аллан Вилдман (*Allan Wildman*): с 1988 по 1996 г. (университет Огайо). Уже в томе 50 представлен новый формат: больший объем, больше материала, фотография на обложке, отражение хронологических изменений, последовавших за развалом Советского Союза. Аллан Вилдман хотел видеть журнал как «форум, где могут быть представлены наши лучшие научные достижения»¹⁰.

Затем редакция журнала переехала в Канзасский университет, г. Лоуренс (*The University of Kansas in Lawrence, Kansas*). Институционально журнал принимает университетский Центр российских, восточно-европейских и евразийских исследований (*The Center for Russian, East European and Eurasian Studies*). Редактором журнала с 1996 г. по настоящее время является профессор кафедры истории университета Ив Левин (*Eve Levin*).

На сегодня журнал считается основным мультидисциплинарным академическим изданием, посвященным истории, литературе, культуре, искусству,

кино, обществу и политике Российской Федерации, бывшего Советского Союза и бывшей Российской империи.

Принято считать, что журнал *Slavic Review* также начал издаваться в 1941 г. До начала Второй мировой войны в Лондоне выходил журнал *The Slavonic and East European Review*, однако с началом бомбардировок Лондона издание его стало проблематичным. Группа американских ученых решила издавать в США американскую версию журнала вначале под названием *Slavonic Year-Book. American Series* (1941), затем — *Slavonic and East European Review. American Series* (1943–1944) и *American Slavic and East European Review* (1945–1961). В 1961 г. журнал стал называться *Slavic Review*.

С 2006 г. подзаголовок названия журнала звучит как «Междисциплинарный ежеквартальный журнал российских, евразийских и восточноевропейских исследований» (*Interdisciplinary Quarterly of Russian, Eurasian, and East European Studies*).

С 1996 по 2006 г. главным редактором журнала была профессор университета Иллинойса в Урбане-Шампейн (*University of Illinois at Urbana-Champaign*) Дайан П. Кoenкер (*Diane P. Koenker*). Затем портфель редактора перешел к профессору того же университета Марку Д. Стейнбергу (*Mark D. Steinberg*), который занимал эту должность с 2006 по 2013 г. С августа 2013 г. главным редактором является Харриет Мурав (*Harriet Murav*). Университет Иллинойса, так же как и Стэнфорд в отношении *Russian Review*, обеспечивает редакцию офисными помещениями, компьютерами, секретарями, бесплатной технической поддержкой. Университетский Центр российских, восточно-европейских и евразийских исследований выделил две дополнительные ставки технических помощников издательства.

С 1961 по 2010 г. журнал издавался под эгидой Американской ассоциации по продвижению славянских исследований, которая с 2010 г. называется Ассоциацией славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (*Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies, ASEES*).

По составу авторов и по тематике журнал является мультидисциплинарным. Основные группы авторов — литераторы и историки, но также много антропологов, социологов, политологов, географов, исследователей кино- и медиасферы и др.

В период с 1964 по 1984 г. вопросы руссиеведения активно освещались на страницах созданного по инициативе Ричарда Пайпса и при активном участии Эдварда Кинана руссиеведческого журнала *Kritika*. Сам Эдвард Кинан духовным отцом (*spiritus movens*) «Критики» по праву называет Ричарда Пайпса¹¹. Последний в своих мемуарах так описывает саму историю создания журнала. В 1964 г. у него было более десятка аспирантов, и появилась идея создать периодический журнал, в котором аспиранты давали бы обзоры книг по русской истории, изданных в Советском Союзе, но о которых не было известно в США: «Аспирантам понравилась идея, так и появилась “Критика”, журнал, который выходил три раза в год, составляемый и редактируемый исключительно аспирантами под моим общим руководством»¹². Первоначально в журнале публиковались исключительно рецензии и обзоры вышедших в СССР научных монографий и сборников статей.

За 20 лет было сделано немало. Основными для журнала были две задачи. Первая из них — представить обстоятельные обзоры важных и инновационных

советских публикаций по российской истории, которые начинали появляться в то время, но которые игнорировались западными профессиональными журналами; вторая — дать студентам-историкам Гарвардского университета возможность развития критических и редакторских способностей, которые им были бы необходимы в будущей профессиональной деятельности. Эдвард Кинан характеризует эту задачу более конкретно: «Мы старались научить (студентов. — Е. К.), что значит быть профессиональным ученым»¹³. «Наша “Критика”, — продолжает он, — была забавной (*was fun*). Она послужила своим целям»¹⁴. По истечении 20 лет журнал перестал издаваться¹⁵.

Редакция новой «Критики» также очень высоко оценивала работу своего одноименного предшественника, определяя многочисленные обзоры книг на русском языке как строительство «моста между западной и российской исторической наукой»¹⁶.

Прошло много времени, прежде чем группа современных авторитетных историков-русистов во главе с Майклом Дэвидом-Фоксом приняла решение о возобновлении издания «Критики», но уже в другом концептуальном формате.

Так в 2000 г. появился первый номер новой «Критики». Эдвард Кинан охарактеризовал ее цели как «интеллектуально гораздо более амбициозные», а будущих авторов (*collaborators*) считал более профессиональными по сравнению с поколением 1960-х и работавшими уже в «существенно изменившемся профессиональном ландшафте»¹⁷.

В презентации будущего журнала Майкл Дэвид-Фокс определял его основное назначение как площадку для назревшей «интернациональной историографии по России»¹⁸. По словам докладчика, к 2000 г. уже стерлись национальные границы между тремя основными мировыми историографическими центрами по истории России (англо-американская историография, русскоязычная историография и европейская историография, в основном немецкая и французская). Научная литература, издаваемая на разных языках, читается во всем мире почти одновременно. Однако это вовсе не означает значительной интернационализации историографии. Например, в США вышло очень мало работ по революции 1917 г. и революционному движению в России. Но при этом в постсоветской России существовал огромный поток литературы по этим вопросам. И «если бы наша историография была более тесно связана с Россией, то это не было бы так легко проигнорировано»¹⁹.

Отсюда первая задача, стоявшая перед «Критикой», — способствовать большей интернационализации научной сферы посредством первоочередного фокусирования журнальных обзоров на российской, а не англоязычной историографии (постепенно «Критика» начинает рецензировать книги, написанные и на других языках, чаще всего на немецком и французском). Вторая — формировать особый интерес в интеллектуальном и историографическом обмене между Россией/СССР и Западом. Третья — глубже вникнуть в саму историю сферы *Russian studies*, с тем чтобы активнее использовать наработанные ею ранее междисциплинарные инструменты (*sophisticated tools*)²⁰.

* * *

Начнем с журнала *The Russian Review*. За последние 15 лет журнал продолжал утверждать себя как ведущее академическое издание, публикация на страницах которого для любого исследователя означает признание актуальности и качества представленной им работы.

Новое тысячелетие журнал отметил не только редакторскими колонками, посвященными своему 60-летию, но и программной статьей-раздумьем его бывшего редактора Аллана Вилдмана «Будущее российской истории», в которой речь идет не об истории России, а о том, есть ли будущее у научного направления, изучающего российскую историю²¹.

«Сегодня, — писал Аллан Вилдман 15 лет назад, — мы (зарубежные историки. — Е. К.), как и наши российские коллеги, остались без компаса»²². С точки зрения автора, историки упустили несколько серьезных аспектов в изучении России, продемонстрировав тем самым слабость своей науки. Они недосмотрели, что Советский Союз являлся многонациональной империей, «инкорпорировавшей в себя обширные нероссийские территории, которые так и не были русифицированы, несмотря на значительные усилия»²³. Отсюда задача для будущих исследований — изучать региональные и национальные проблемы. Будущим историкам нужно будет серьезнее исследовать тему «гражданского общества», чтобы понять, почему оно не получило в России своего развития. Следующее направление — изучение культурной истории России. Отдельная задача — исследование советского периода российской истории. По словам автора, для этого появились все возможности, особенно в части доступа к архивным материалам. Однако сразу и с ходу ничего не получится, считает Аллан Вилдман: «Понадобится труд целого поколения ученых с тем, чтобы аккумулировать сумму знаний, необходимых для создания новой историографии, сравнимой с той, что мы уже имеем по дореволюционному периоду». Но для этого «нам еще понадобятся и новые научные парадигмы»²⁴.

Автор несколько не сомневается в том, что направление *Russian studies* через 10 лет будет совершенно иным: «Сейчас самое замечательное время для того, чтобы заниматься российской историей», поскольку «проведение самих исследований возможно как никогда раньше, востребованность нового знания очень высока... возможности безграничны»²⁵. «Нет никаких оснований, — заключает он, — верить тому, что история России... станет исторически менее важной в будущем... Я с оптимизмом смотрю в будущее России и российской истории»²⁶. Как показала практика, оптимизм Аллана Вилдмана был не напрасным и во многом пророческим.

Январский 2002 г. номер журнала стал в некотором роде знаковым событием в развитии россиеведения. За своеобразным тематическим круглым столом собрались признанные в мировом историческом сообществе фигуры: Линн Виола (*Lynne Viola*), Стивен Коткин (*Stephen Kotkin*), Дональд Рали (*Donald Raleigh*), Норман Неймарк (*Norman Naimark*)²⁷. Получилось очень глубокое и всестороннее обсуждение как наработанной к тому времени западной историографии, начиная с эпохи холодной войны, так и влияния на этот процесс архивной революции в России.

Норман Неймарк определял как новое явление в западной исторической науке начало издания двух тематических журналов: 1) *The Journal of Cold War Studies*

под редакцией Марка Крамера (*Mark Kramer*) в Центре российских и евразийских исследований Дэвиса Гарвардского университета; 2) *The Cold War History* под редакцией Одд Арне Вестад (*Odd Arne Westad*) в Лондоне. Негативно оценивая все еще продолжавшуюся максимальную закрытость Архива внешней политики (АВГП РФ), автор с пиететом говорит об открытости Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), который «стал основой для гораздо большего числа новых серьезных исследований по холодной войне, нежели все другие российские архивы»²⁸, особенно в части рассекречивания в 2000 г. части личного фонда Сталина (ф. 558, оп. 11).

Дональд Рали описывает, как «революция Горбачева поменяла наше и наших российских коллег делание советской истории»²⁹. По словам автора, к началу 1988 г. настроенные на реформы историки «контролировали самые известные исторические журналы»³⁰. С 1941 г. американские исследования по Советскому Союзу развивались под давлением «тоталитарной парадигмы». Эра же Горбачева и полная открытость архивов заставили многих поменять свои прежние представления, подходы и оценки. На собственном примере Дональд Рали показывает, как полученная им наконец-то в 1990 г. возможность работать в государственном архиве Саратова заставила его не только пересмотреть полностью готовую к публикации работу по гражданской войне, но и «начать проект заново»³¹.

Кратко описав противоположность оценок российской истории эпохи холодной войны и ревизионистов, которых зачастую рассматривали на Западе как «апологетов сталинизма», Линн Виола констатировала, что с открытием российских архивов жизнь для западных историков «сильно усложнилась», а российская история предстала «разными историями», с новыми теориями и подходами, в «гораздо более широких методологических и сравнительных рамках»³². «Для американской историографии, — заключала она, — наступило время покончить с холодной войной»³³.

Но не для всего научного сообщества открытие советских архивов оказалось плюсом. Стивен Коткин приводит слова отдельных редакторов материалов научных конференций по российским архивам с разочарованием в их состоявшейся открытости, поскольку они не снимали разночтений по эпохе холодной войны и являлись продуктом документальной фальсификации самой советской системы, из чего следовало неизбежное к ним недоверие как к историческому источнику³⁴.

В июле 2015 г. эта тема получила продолжение в еще двух работах известных специалистов по Советскому Союзу и современной России: Шейлы Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*) на примере исследований по социальной истории и Питера Соломона (*Peter Solomon*), разбиравшего ситуацию с уголовным правосудием³⁵.

Открытость российских архивов в начале 1990-х гг., по словам Шейлы Фицпатрик, дала западным историкам возможность сверить свои прежние выводы, сделанные на основе доступных опубликованных материалов, с новыми материалами³⁶. Значительная часть статьи посвящена ее личному опыту работы в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в конце 1960-х гг., описанному недавно в книге «Шпион в архиве...»³⁷, и характеристике отдельных фондов в разных современных российских архивах. Автор выделяет три главных обстоятельства, повлиявших на социальных историков после «архивной революции» 1990-х гг.:

возможность работать предварительно с описями и каталогами, открытие Центрального партийного архива и рассекречивание материалов в государственных архивах. Историки получили возможность работать с такими материалами, о существовании которых ранее даже не предполагали (например, сводки о настроениях населения, информационные сводки, письма во власть). Это позволило изучать историю «снизу» и способствовало существенному продвижению в исследовании темы «сопротивления» и изучению региональной истории, первопроходцем в которой стал Дональд Рали (на саратовских материалах). А появление, например, такого документа как приказ № 00447 от 2 июля 1937 г., «о существовании которого ни один историк на Западе (да и... в Советском Союзе) даже не подозревал», с квотами на репрессии среди бывших кулаков, преступников, сектантов во многом, как пишет Фицпатрик, переворачивало прежде устоявшееся представление о репрессиях как изначальном терроре против элиты, особенно среди коммунистов³⁸. Иными словами, новые архивные материалы меняли устоявшиеся подходы в западной исторической науке.

Применительно к уголовному правосудию новые архивные материалы, по оценке Питера Соломона, не только «помогали заполнить пробелы, оставшиеся после официальных изданий», но и представили статистические данные, которые «изменили наше понимание Большого террора и его связь с системой правосудия»³⁹. Далее он приводит пример во многом схожий с аргументацией Шейлы Фицпатрик: «До открывшихся архивов мы не знали, что под репрессии 1937–1938 гг. попали полтора миллиона человек (не многие миллионы, по некоторым подсчетам), или то, что почти половина осужденных по 58-й статье были расстреляны... Более того, из статистических и других архивных документов мы узнали, что основными жертвами террора были не политические деятели, не случайно выбранные люди, а представители отдельных социальных групп и категорий, определенных Сталиным как потенциальные враги режима... Только из архивов мы узнали о “массовых операциях” в регионах»⁴⁰. Однако при всей важности архивных материалов, предупреждает молодых историков Питер Соломон, ими одними ограничивать свои исследования никак нельзя. Не менее важными для понимания и оценки советской истории остаются и все другие источники информации, включая устную историю (*oral history*).

Указанные публикации оказали значительное влияние на историческое осмысление последних 15 лет. «Растянутые» во времени и посвященные одной и той же теме работы названных авторов показывают, как повлияла архивная революция в России на изменение оценок, выводов, методологических подходов представителей «первой волны» советологов и появление новых направлений исследований в современном осмыслении.

Возвращаясь к поставленной в 2000 г. Майклом Дэвидом-Фоксом проблеме и говоря о журнале *The Russian Review*, можно с определенной долей риска констатировать следующее: с самого создания и вплоть до 1980-х гг. журнал в значительной степени **определял** основные направления и подходы в *Russian area studies*; после распада Советского Союза и вплоть до дня сегодняшнего он качественно и профессионально **отражает** их на своих страницах, не претендуя на их формирование.

* * *

Будет ли такое утверждение приемлемо к журналу *Slavic Review*? Если говорить о публикациях последних 15 лет, скорее всего, да, будет: журнал никак не проводит какую-либо особую линию, он является площадкой для обсуждения разных проблем России и евразийского региона в целом и издается для широкой научной аудитории, публикуя исследования в различных областях. При этом наибольшее внимание редакция обратила на один вопрос — о месте и роли научного направления, известного в западном историческом россиеведении 1960-х–1990-х гг. как «ревизионизм»⁴¹. Весь исторический раздел № 67 журнала за 2008 г. посвящен только этому вопросу⁴².

Научная дискуссия начиналась статьей Шейлы Фицпатрик «Ревизионизм в ретроспективе: личный взгляд»⁴³. Автор так описывает положение, в котором в 1970-е и даже еще в 1980-е гг. приходилось работать «ревизионистам», усомнившимся в однополярных оценках советской истории представителей тоталитарной концепции: они жили в обстановке постоянных нападок и страха: «На протяжении нескольких лет я была иммигранткой в Соединенных Штатах (Ш. Фицпатрик родилась и выросла в Австралии, получила историческое образование в Англии. — Е. К.), без вида на жительство (*green card*), без гражданства, без *tenure* (степень *tenure* не позволяет администрации американского университета уволить преподавателя без его согласия. — Е. К.), я боялась, что меня могут вызвать в иммиграционную службу и выбросить из страны»⁴⁴. Ревизионисты оказались как бы между молотом и наковальней: на западе идеология холодной войны заставляла исповедовать в работах антисоветизм, а в Советском Союзе ура-патриотизм призывал положительно оценивать все, что делалось под руководством коммунистической партии. Между этими двумя крайностями ревизионисты дали первые плоды объективного исторического знания по советской истории⁴⁵. В обсуждение включились Роберт Даниелс (*Robert V. Daniels*)⁴⁶, Арч Гетти (*J. Arch Getty*)⁴⁷, Елена Осокина⁴⁸, разделившие призыв Шейлы Фицпатрик, которым она завершила свою статью: «Виват ревизионизм (и постревизионизм тоже)!»⁴⁹, а также Йохен Хеллбек (*Jochen Hellbeck*)⁵⁰, усомнившийся в однозначности оценок своих коллег.

Роберт Даниелс начинал с шуточного замечания, что он уже был ревизионистом в то время, когда это слово в современном его звучании еще даже никто не слышал. И даже называет точную дату — 1947 г., когда он впервые попал в семинар М. М. Карповича⁵¹. Даниелс не вступает в спор по поводу большей или меньшей правоты представителей двух методологических подходов — тоталитарной и ревизионистской. Важным является его в некотором роде определение ревизионизма: «Ревизионизм — не просто какая-то точка зрения, в более широком понимании это — готовность менять свои взгляды. Историческое толкование — плод воображения, и потому лучшая история всегда будет ревизионистской... Волей-неволей, мы все сегодня являемся ревизионистами»⁵².

Арч Гетти предлагает свое объяснение бескомпромиссности нападок, имевших место со стороны представителей тоталитарной концепции в отношении молодых ревизионистов. Эти обвинения, вышедшие за рамки нормального академического диспута, он выводит из негативного влияния холодной войны. Первое поколение советологов выросло на страхе и в страхе перед коммунистической

(читай: советской) военной угрозой. Американцы были «затерроризированы анимационными фильмами о красных (или желтых) приливах во всех точках земного шара»⁵³. Многие воспоминания и первые научные работы по советской тематике были написаны теми, кто сбежал от коммунистического террора (в зрелом возрасте или ребенком). Но Фицпатрик, замечает Гетти, «пришла из другой части мира, как в прямом, так и в переносном смысле слова. Ее рассматривали как самонадеянного иностранного захватчика, нехорошего эмигранта». При этом многие ревизионисты получили образование и работали за пределами Гарварда или Колумбийского университета, где «главенствующий дискурс был сформирован и охранялся со времен Второй мировой войны»⁵⁴. Со временем, заключает Арч Гетти, многое поменялось. В науку приходят новые поколения. Тоталитаризм в свое время был чем-то вроде «литургии, языка и исповеди», ревизионизм поднял вопрос «доказательства». Если сторонники тоталитарной парадигмы жестко атаковали ревизионистов как еретиков, то ревизионисты в целом приветствовали результаты научных исследований постревизионистов и даже использовали их в работе⁵⁵.

Последнюю мысль развивает Елена Осокина, считая, что «ревизионисты подготовили почву для того, чтобы исследования постревизионистов вообще стали возможными и успешными»⁵⁶. При этом многие из них как раз и были подготовлены ревизионистами. В противоборстве же двух методологических концепций Осокина видит «не просто научную дискуссию, но и еще профессиональную борьбу за работу и должности»⁵⁷.

Определенную черту в дискуссии подвел Йохен Хеллбек. Он считает, что линия противостояния в будущем будет проходить не «между ревизионистами и тоталитаристами» и не «между ревизионистами и постревизионистами», дебаты в настоящем и будущем будут неизбежны между теми, кто изучает российскую историю «извне», и теми, кто имел свой жизненный опыт при советской власти⁵⁸. При этом слабость аргумента Хеллбека заключается в том, что он не предполагает никакого ответа на вопрос: а что будет после того, как в историю придут только те, кто не имел своего опыта непосредственного знакомства с СССР? Это время, по сути, уже наступило. Остается ли актуальной названная им «линия разлома»?

Среди исторических публикаций журнала *Slavic Review* следует также отметить две работы Линн Виолы: одна из них открывала новое тысячелетие («Другой Архипелаг: кулацкая депортация на Север в 1930 г.»⁵⁹), а вторая поднимает совершенно новую тему в западной историографии («Вопрос об исполнителях преступлений в советской истории»⁶⁰).

Первая статья как бы призывает научное сообщество активнее заняться темой спецпереселенцев начала 1930-х гг., поскольку история спецпоселений, как «первый эксперимент сталинского государства по социальному инжинирингу», является, с точки зрения автора, фундаментальным направлением «для понимания эволюции, динамики, и контуров советского государственного террора»⁶¹. В поле зрения автора — самый трагичный 1930 г. и судьбы полутора миллионов спецпереселенцев в Северный край, где секретарь крайкома партии С. А. Бергавинов мечтал создать «древесный Донбасс» на основе лесной индустрии и экспорта древесины, для чего ему нужны были серьезные трудовые ресурсы. Линн Виола описывает трагизм февральского транзита десятков тысяч человек и еще бóльшие

страдания людей в конечных пунктах назначения, где никто не позаботился о жилье, питании, медицинском обслуживании. Людей расселяли во временных бараках с земляными полами, в неотапливаемых церквях, монастырях, шалашах и даже в местных тюрьмах без каких-либо санитарно-гигиенических удобств. В результате — «страшная» смертность, особенно среди детей (приводится пример поселения Макариха, где за период с 24 марта по 1 августа 1930 г. из общего числа в 45 тыс. переселенцев, половина из которых была в возрасте до 16 лет, умерло 1277 детей, в основном в возрасте 7 лет)⁶². Линн Виола задается вопросом: кому нужен был этот «другой архипелаг» (не лагерный, как у Солженицына. — Е. К.), ставший олицетворением «тайной, внутренней колонии рабского труда и диктаторского полицейского управления»?⁶³ Вопрос остается без ответа.

Как своего рода историографическую задачу для историков на ближайшие годы Линн Виола ставит проблему «исполнителя преступлений в советской истории» в работе 2013 г. При этом данный вопрос предлагается для более пристального изучения не с целью проведения «бумажного суда истории» над преступниками, а в поисках ответа на вопрос о том, «почему отдельные люди и, возможно, все советское общество в целом принимали участие в государственных репрессиях против официально провозглашенных врагов, по большей части невинных людей»⁶⁴. Исследование данной проблематики, по оценке автора, «откроет окно в более широкие темы веры, идеологии в практики, социальных антагонизмов, отношений центра и регионов, местного управления и, что наиболее важно, позволит поднять глобальные вопросы массовых убийств и насилия в сталинском Советском Союзе»⁶⁵. Просто списать все на Сталина, заключает автор, было бы слишком упрощенным подходом в оценке сталинских репрессий.

Названные работы составляют, конечно, далеко не полный перечень публикаций даже в очерченных нами границах исторического руссиеведения на страницах *Slavic Review* за последние 15 лет. Но они более чем другие отражают как «старые» проблемы *Russian area studies*, так и новые направления исследований.

В целом в рамках изначально поставленной нами проблемы, говоря о публикациях журнала *Slavic Review*, можно заключить: как и на протяжении многих десятилетий XX в., так и в настоящее время журнал скорее **отражает**, а не **определяет** направления и подходы в исторических исследованиях Запада.

* * *

Теперь о журнале *Kritika*. Начнем с того, что на сегодня это наиболее востребованный историческим сообществом журнал, вне всякого сомнения занимающий лидирующие позиции в историческом руссиеведении. Какие есть основания для такого довольно категоричного утверждения? Оно одно: «Критика», в отличие от двух других журналов, почти полностью посвящает свои номера проблемам *истории* России. Данный журнал базово не мультидисциплинарный. Его основной исследовательский объект — российская история. На протяжении всех 15 лет своего существования новая *Kritika* не только широко **отражает** многоаспектные направления исторических исследований России, но и, возьмем на себя смелость утверждать, **формирует** научный интерес и методологические подходы к отдельным направлениям в руссиеведении.

Какие темы находят отражение на страницах журнала? Таких направлений много. Среди системно присутствующих: история россиеведения, тоталитаризм — сравнительное измерение (например, сравнение сталинизма и нацизма), ГУЛАГ (как в традиционной постановке вопроса, так и с позиций историков «новой волны»⁶⁶). Первый номер журнала поставил в повестку дня исследователей проблему сопротивления в России (включая царский период). Оперативно реагируя на текущие политические события, «Критика» дала очень серьезный исторический анализ корней украинских событий и российско-украинских отношений (статья 2015 г.). Весь 4-й номер 16-го тома (осень 2015 г.) полностью посвящен событиям 1917 г. А 1-й номер 15-го тома (зима 2014 г.) дает новый взгляд на экономику сталинизма. Тематическими были и многие первые номера журнала. Так, 2-й номер (весна 2000 г.) был посвящен отношениям Москвы и монголо-татар в части степени влияния последних на российскую государственность. Следующий номер (лето 2000 г.) показывает организацию советских праздников в 1920–1930-е гг. (дни индустриализации, урожая, коллективизации и др.). Отдельные номера посвящались анализу отношений большевиков и церкви, российскому крестьянству, культурных преобразований в 1920–1990-е гг., вопросам автократии в российской системе управления, российской геополитике, народному искусству в эпоху Сталина, российской правовой системе и т. д.

Журнал очень трепетно относится к самим историкам и представляет читателю интервью с весьма почитаемыми в историческом сообществе авторами, такими как Эдвард Кеннан, Шейла Фицпатрик, Джеффри Хоскинг, Леопольд Хеймсон, Ричард Стайтс (скончался в 2010 г.) и др.

Kritika не переполнена фамилиями «корифеев» россиеведения, но они не забыты: печатаются Линн Виола, Ричард Стайтс, Стивен Коткин, Алан Блум, Шейла Фицпатрик, Хироаки Куромия, Абот Глиссон, Питер Кенез, Дениел Броуэр, Эдвард Кеннан и др. Однако в целом преобладают новые фамилии.

Журнал печатает и работы современных российских историков, среди них: В. П. Булдаков, О. В. Хлевнюк, О. В. Будницкий, Б. Н. Миронов, И. А. Нарский, Е. Ю. Зубкова и многие другие. Тем самым современная *Kritika*, как бы продолжает строить тот мост между историками России и Запада, который начинала возводить *Kritika* Ричарда Пайпса и Эдварда Кинана. Хотя, конечно, совсем другими средствами и под другой методологической установкой.

В части методологии возьмем «популярную» исследовательскую проблему в «Критике» — сталинизм. Это явление советской истории представлено на страницах журнала многоаспектно. Тон был задан самым первым номером (зима 2000 г.), когда на обсуждение был поставлен вопрос о природе и формах сопротивления в России. Статья Линн Виолы акцентировала внимание на крестьянском сопротивлении сталинизму⁶⁷. Вопрос же в целом был поставлен журналом гораздо шире. Речь шла о ежедневной жизни простого человека в дореволюционной и советской России, о том, как формировалось его отношение к политическому режиму, в каких формах находило выражение несогласие советских граждан с политикой государства.

Через год, весной 2001 г., тему продолжили О. В. Хлевнюк⁶⁸ и Габор Риттерспорн (*Gábor T. Rittersporn*)⁶⁹. Российский историк подчеркивал важную тенденцию,

наметившуюся за последние годы в исследовании сталинизма, — изучение этого явления как исторической проблемы. Новые направления в исследованиях сталинизма, предполагал он, будут вытекать из новых возможностей в части открывшихся архивов. И на первое место вновь встанут ранее «отработанные» темы социально-экономической и политической истории конца 1920-х гг., а также отношения народа к режиму в меняющихся к лучшему условиях жизни людей, вопросы позднего или послевоенного сталинизма и преемников Сталина⁷⁰.

Габор Риттерспорн отмечал, что вначале внимание историков привлекали два основных аспекта 1930-х гг.: террор и принудительный труд. Открывшиеся же архивы позволили ученым предпринять попытки понять внутренний мир борьбы человека и режима. Результаты исследований последнего десятилетия (т. е. после «архивной революции») значительны, новые направления работы очерчены. Однако на первое место автор выдвигает два обязательных предмета исследований: 1) более детальный сравнительный анализ двух довоенных диктатур — сталинизма и нацизма — в части модернизации и участия в этом общества; 2) уяснение места и роли как раз 1930-х гг. в более широком контексте социальной, политической и культурной истории бывшего Советского Союза⁷¹.

Отдельные публикации по сталинскому ГУЛАГу вылились в специальный номер «Критики» в 2015 г.⁷² Номер готовился на протяжении трех лет, начиная с периода подготовки конференции по ГУЛАГу, прошедшей в Джорджтаунском университете в апреле 2013 г. Уже тогда стало понятно, что необходима «более широкая реконцептуализация природы ГУЛАГа и его роли в советской системе»⁷³. Одновременно ученым следовало отреагировать и на происходившие сдвиги в общественных дискуссиях в России в направлении оправдания и даже восхваления отдельных аспектов сталинизма.

Дискуссия открывается статьей О. В. Хлевнюка⁷⁴, в которой автор предлагает смотреть на ГУЛАГ с трех новых позиций: неопределенности его границ, определения каналов его связи с негулаговским советским обществом и последствий этих взаимопроникновений, призывая коллег к тщательному изучению «тех каналов, по которым ГУЛАГ проникал в не-ГУЛАГ, и наоборот, с тем, чтобы понять параметры их тесного взаимодействия»⁷⁵.

Голфо Алексопулос (*Golfo Alexopoulos*) оспаривает тезис А. И. Солженицына о ГУЛАГе как о системе «истребительно-трудовых лагерей». Она отмечает, что ОГПУ — НКВД — МВД не были заинтересованы в сохранении человеческих жизней в лагерях (жертвы пополнятся другими). Однако в новых ставших доступными архивных материалах не обнаружено ни одного документа, в котором говорилось бы о планах по истреблению населения. Да, заключает она, ГУЛАГ являлся местом «массовой смерти, но не массового убийства»⁷⁶.

Завершает дискуссию вопросом «А был ли советский ГУЛАГ архипелагом?» Дэвид Ширер (*David R. Shearer*). В оценке Солженицына, пишет автор, ГУЛАГ представлял собой закрытую систему, в которой не существовало ни внутренних связей, ни связей с внешним миром, ГУЛАГ являлся отдельным миром со своими правилами, обычаями и культурой. Однако исследования последних лет поставили это под сомнение. В исследованиях о взаимоотношениях ГУЛАГа с внешним миром, т. е. нелагерным советским обществом, используются новые метафоры,

такие как «вращающиеся двери», «пористые границы», «зеркальные отображения», «непрерывность», что, включая статьи данного специального номера «Критики», «дает новое, более динамичное понимание советского ГУЛАГа»⁷⁷.

Чего в таких специальных тематических выпусках академического журнала больше: отражения сформировавшихся на данный момент новых направлений в исторической науке или непосредственного формирования этих новых направлений для исследователей?! Повторим ответ Майкла Дэвида-Фокса 2000 г., но теперь уже применительно к «Критике»: здесь есть и то и другое.

В целом за все 15 лет своего существования новый журнал *Kritika* доказал высокий статус ведущего академического журнала в современном направлении *Russian area studies*.

¹ Здесь автор имеет в виду то, что в научных кругах люди часто гоняются за разными трендами и модными направлениями.

² *David-Fox M.* From the Editors. The Herd Mentality and Russian Studies // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2, no. 1. P. 1, 2.

³ *Ibid.* P. 1.

⁴ *David-Fox M.* From the Editors. “1930s Studies” // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. Vol. 4, no. 1. P. 1.

⁵ Дмитрий Сергеевич фон Мореншильд родился в 1902 г. в Минской губернии в семье предводителя дворянства. Учился в Севастопольском и Петроградском Морском корпусе (1916–1918 гг.). С 1920 г. в США. Окончил Йельский университет, в 1936 г. в Колумбийском университете защитил докторскую диссертацию о роли России в интеллектуальной жизни Франции XVIII в.

⁶ *Mohreschildt von D.* The Founding of The Russian Review: A Memoir // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60, no. 1. P. 4.

⁷ *Levin E.* The Russian Review: Continuity and Change // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60, no. 1. P. 1.

⁸ *Mohreschildt von D.* The Founding of The Russian Review... P. 6.

⁹ *Field D.* Reflections of an Editor // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60, no. 1. P. 7.

¹⁰ *Levin E.* The Russian Review... P. 3.

¹¹ An Interview with Edward L. Keenan // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. Vol. 11, no. 3. P. 457.

¹² *Pipes R.* Vixi: Memoirs of a non-belonger. Yale University Press, New Haven & London, 2003. P. 94.

¹³ *Keenan E.* To the Editors // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1, no. 1. P. 1.

¹⁴ *Ibid.* P. 2.

¹⁵ О 20-лгии «Критики» Р.Пайпса см.: *Большакова О.В.* Мост через Атлантику: Американский журнал «Критика» и советская историография в годы холодной войны // *Известия Смоленского государственного университета*. 2015. № 1 (29). С. 207–220.

¹⁶ *Keenan E.* To the Editors. P. 1.

¹⁷ *Ibid.* P. 2.

¹⁸ *David-Fox M.* From the Editors. The Herb Mentality and Russian Studies. P. 3.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid.* P. 4.

²¹ *Wildman A.* The Future of Russian History // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60, no. 1. P. 9–12.

²² *Ibid.* P. 11.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.* P. 12.

- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ *Naimark N.* Cold War Studies and New Archival Materials on Stalin // *The Russian Review*. 2002. Vol. 61, no. 1. P. 1–15; *Raleigh D.* Doing Soviet History: The Impact of the Archival Revolution // *The Russian Review*. 2002. Vol. 61, no. 1. P. 16–24; *Viola L.* The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union // *The Russian Review*. 2002. Vol. 61, no. 1. P. 25–34; *Kotkin S.* The State — Is It Us? Memoirs, Archives, and Kremlinologists // *The Russian Review*. 2002. Vol. 61, no. 1. P. 35–51.
- ²⁸ *Naimark N.* Cold War Studies... P. 4.
- ²⁹ *Raleigh D.* Doing Soviet History... P. 16.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid. P. 19.
- ³² *Viola L.* The Cold War in American Soviet Historiography... P. 26, 29.
- ³³ Ibid. P. 34.
- ³⁴ *Kotkin S.* The State — Is It Us?... P. 35, 36.
- ³⁵ *Fitzpatrick S.* Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History // *The Russian Review*. 2015. Vol. 74, no. 3. P. 377–400; *Solomon P.* Understanding the History of Soviet Criminal Justice: The Contribution of Archives and Other Sources // *The Russian Review*. Vol. 74, no. 3. P. 401–418.
- ³⁶ *Fitzpatrick S.* Impact of the Opening of Soviet Archives... P. 377.
- ³⁷ *Fitzpatrick S.* A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia. London; New York: I. B. Tauris, 2014.
- ³⁸ *Fitzpatrick S.* Impact of the Opening of Soviet Archives... P. 399.
- ³⁹ *Solomon P.* Understanding the History of Soviet Criminal Justice... P. 404, 407.
- ⁴⁰ Ibid. P. 407.
- ⁴¹ О формировании и противоборстве двух методологических концепций в американском россиеведении — тоталитарной и ревизионистской — см., напр.: *Кодин Е. В.* «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск, 1998.
- ⁴² *Fitzpatrick S.* Revisionism in Retrospect: A Personal View // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67, no. 3. P. 682–704; *Daniels R.* Comment: Revisionism Avant la Lettre // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67, no. 3. P. 705–710; *Getty A.* Comment: Codes and Confessions // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67, no. 3. P. 711–715; *Osokina E.* Comment: Life and Fate of Western Revisionism // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67, no. 3. P. 716–719; *Hellbeck J.* Comment: Of Archives and Frogs: Iconoclasm in Historical Perspective // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67, no. 3. P. 720–723.
- ⁴³ *Fitzpatrick S.* Revisionism in Retrospect... P. 682–704.
- ⁴⁴ Ibid. P. 694.
- ⁴⁵ Ibid. P. 700.
- ⁴⁶ *Daniels R.* Comment: Revisionism Avant la Lettre. P. 705–710.
- ⁴⁷ *Getty A.* Comment... P. 711–715.
- ⁴⁸ *Osokina E.* Comment... P. 716–719.
- ⁴⁹ *Fitzpatrick S.* Revisionism in Retrospect... P. 704.
- ⁵⁰ *Hellbeck J.* Comment... P. 720–723.
- ⁵¹ *Daniels R.* Comment: Revisionism Avant la Lettre. P. 705.
- ⁵² Ibid. P. 709, 710.
- ⁵³ *Getty A.* Comment. P. 712.
- ⁵⁴ Ibid. P. 712.
- ⁵⁵ Ibid. P. 715. — О постревизионизме на примере социальной истории в англо-американском россиеведении см.: *Меньковский В. И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007.
- ⁵⁶ *Osokina E.* Comment. P. 719.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ *Hellbeck J.* Comment. P. 722.
- ⁵⁹ *Viola L.* The Other Archipelago: Kulak Deportations to the North in 1930 // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60, no. 4. P. 730–755.

⁶⁰ Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History // *Slavic Review*. 2013. Vol. 72, no. 1. P. 1–23.

⁶¹ Viola L. The Other Archipelago... P. 731, 732.

⁶² Ibid. P. 743.

⁶³ Ibid. P. 755.

⁶⁴ Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History. P. 23.

⁶⁵ Ibid. P. 22.

⁶⁶ Понятие «новая волна» относится к исследованиям по ГУЛАГУ и получило название по формулировке «*the new wave of scholarship*», данной А. Баренбергом (*Barenberg A. Gulag Town, Company Town. Forced Labor And It's Legacy In Vorkuta. Yale University Press, New Heaven and London, 2014. P. 6*). К «новой волне» в историографии ГУЛАГа причисляют тех, кто пытается опровергнуть представление о ГУЛАГе, сформированное на основе оценок А. И. Солженицына, переосмысливая, споря, а порой и противопоставляя себя концепции «ГУЛАГа-архипелага» — места, жестко изолированного от остального мира. Они не соглашаются с авторами, утверждающими, что ГУЛАГ был отделен от воли непроницаемой границей, и человек, попавший в места заключения, был навсегда исключен из этого мира, по крайней мере до момента его освобождения. В своих работах они исходят из определения ГУЛАГа как системы «вращающихся дверей» (*a "revolving door" system*), для которого были характерны как частые аресты, так и перманентные освобождения заключенных, и берут его за методологическую основу своих исследований. Также последовательно применяется подход, который рассматривает ГУЛАГ как систему с «пористыми границами» (*porous boundaries*). Лагеря не существовали в жесткой изоляции от остального мира: в зоне работало и служило большое число вольнонаемных, а за пределы колючей проволоки могли уходить заключенные, имевшие на это разрешение (*Alexopoulos G. Destructive-Labor Camps. Rethinking Solzhenitsyn's Play on Words // Kritika. 2015. Vol. 16, no. 3. P. 499–526; Barnes S. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton University Press, 2011; Barenberg A. Gulag Town, Company Town...; Bell W. Was the Gulag an Archipelago? De-Convoyed Prisoners and Porous Borders in the Camps of Western Siberia // Russian Review. 2013. Vol. 72, no. 1. P. 116–141; Siddiqi A. Scientist and Specialists in the Gulag: Life and Death in Stalin's Sharashka // Kritika. 2015. Vol. 16, no. 3. P. 557–588; Shearer D. R. The Soviet Gulag — an Archipelago? // Kritika. 2015. Vol. 16, no. 3. P. 711–724; и др.*).

⁶⁷ Viola L. Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1, no. 1. P. 45–69.

⁶⁸ *Khlevniuk O. Stalinism and the Stalin Period after the "Archival Revolution" // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2, no. 2. P. 319–327.

⁶⁹ *Rittersporn G. New Horizons: Conceptualizing the Soviet 1930s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2, no. 2. P. 307–318.

⁷⁰ *Khlevniuk O. Stalinism and the Stalin Period... P. 325–326.*

⁷¹ *Rittersporn G. New Horizons... P. 316.*

⁷² *The Soviet Gulag: New Research and New Interpretations // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16, no. 3.

⁷³ *From the Editors. What Was the Gulag? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16, no. 3. P. 468.

⁷⁴ *Khlevniuk O. The Gulag and the Non-Gulag as One Interrelated Whole // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16, no. 3. P. 479–498.

⁷⁵ Ibid. P. 498.

⁷⁶ *Alexopoulos G. Destructive-Labor Camps... P. 500.*

⁷⁷ *Shearer D. The Soviet Gulag — an Archipelago? P. 711.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кодин Е. В. Российская история на страницах зарубежных научных журналов: эволюция подходов и оценок в XXI веке // *Новейшая история России*. 2017. № 4 (21). С. 161–178.

Аннотация: В статье на примере трех научных журналов (*The Russian Review*, *Slavic Review* и *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*) рассматривается вопрос о том, в какой мере академические журналы отражают и формируют направления исторических исследований в сфере руссиеведения (*Russian area studies*). Очевидно, что как раньше, так и сейчас именно эти три журнала занимают ведущие позиции в сфере *Russian area studies*. Поскольку анализировать публикации по всей российской истории в одной статье не представляется возможным, автор вычленил из всего многообразия те исследования, которые посвящены наиболее актуальному периоду советской истории — ее первым десятилетиям. При этом принимаются во внимание только работы по политической и социальной истории СССР, а за его пределами остаются такие важные сферы жизни советского государства и общества, как экономика, культура, внешняя политика, религия, национальные отношения и др. В работе показано, как и в какой степени произошла эволюция в методологических подходах редакций указанных журналов, начиная с эпохи холодной войны (время создания первых двух журналов). Основное внимание уделяется первым 15 годам XXI в., когда в новом формате был воссоздан журнал *Kritika*, который, по оценке автора статьи, занял лидирующее место в современном зарубежном руссиеведении, во многом определяя направления и методологию современных исследований.

Ключевые слова: российская история, *Russian Review*, *Slavic Review*, *Kritika*, руссиеведение, историография.

Сведения об авторе: Кодин Е. В. — доктор исторических наук, профессор, Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия); evkodin@yandex.ru

FOR CITATION

Kodin E. V. Russian History in Foreign Scientific Journals: Evolution of Approaches and Points of View, Modern History of Russia, no. 4, 2017, pp. 161–178.

Abstract: The article examines the extent to which academic journals reflect and form the directions of Russian studies (Russian area studies) using the example of three scientific journals (*The Russian Review*, *Slavic Review* and *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*). Obviously, both earlier and now these three magazines are the leaders in the field of Russian area studies. Since it is not possible to analyze publications throughout Russia's history in one article, the author focuses only on first decades of Soviet history. At the same time, only works on the political and social history of the USSR fall into the focus of attention. Such important spheres of life of the Soviet state and society as economics, culture, foreign policy, religion, national relations, etc. are not included in this research. What is the degree of evolution in the methodological approaches of the editorial offices of these journals, beginning with the era of the Cold War (the time of the creation of the first two journals)? The main attention is paid to the first 15 years of the 21st century, when the journal *Kritika* was recreated in a new format, which, in the author's assessment, took the leading place in modern foreign Russian studies, largely determining the direction and methodology of modern research.

Keywords: Russian History, *Russian Review*, *Slavic Review*, *Kritika*, Sovietology, Historiography.

Author: Kodin E. V.— Doctor of History, Professor, Smolensk State University (Smolensk, Russia); evkodin@yandex.ru

References:

Alexopoulos G. 'Destructive-Labor Camps: Rethinking Solzhenitsyn's Play of Words', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 16, no. 3, 2015.

'An Interview with Edward L. Keenan', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 11, no. 3, 2010.

Barenberg A. *Gulag Town, Company Town. Forced Labor And It's Legacy In Vorkuta* (Yale, New Heaven and London, 2014).

Barnes S. *Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society* (Princeton, 2011).

- Bell W. 'Was the Gulag an Archipelago? De-Convoyed Prisoners and Porous Borders in the Camps of Western Siberia', *Russian Review*, vol. 72, no. 1, 2013.
- Bolshakova O.V. 'Most cherez Atlantiku: Amerikanskij zhurnal "Kritika" i sovetskaya istoriografiya v gody kholodnoj vojny', *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2015.
- Daniels R. 'Comment: Revisionism Avant la Lettre', *Slavic Review*, vol. 67, no. 3, 2008.
- David-Fox M. 'From the Editors. "1930s Studies"', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 4, no. 1, 2003.
- David-Fox M. 'From the Editors. The Herd Mentality and Russian Studies', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 2, no. 1, 2001.
- Field D. 'Reflections of an Editor', *The Russian Review*, vol. 60, no. 1, 2001.
- Fitzpatrick S. 'Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History', *The Russian Review*, vol. 74, no. 3, 2015.
- Fitzpatrick S. *A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia* (London — New York, 2014).
- Fitzpatrick S. 'Revisionism in Retrospect: A Personal View', *Slavic Review*, vol. 67, no. 3, 2008.
- 'From the Editors. What Was the Gulag?', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 16, no. 3, 2015.
- Getty A. 'Comment: Codes and Confessions', *Slavic Review*, vol. 67, no. 3, 2008.
- Hellbeck J. 'Comment: Of Archives and Frogs: Iconoclasm in Historical Perspective', *Slavic Review*, vol. 67, no. 3, 2008.
- Keenan E. 'To the Editors', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 1, no. 1, 2000.
- Khlevniuk O. 'Stalinism and the Stalin Period after the "Archival Revolution"', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 2, no. 2, 2001.
- Khlevniuk O. 'The Gulag and the Non-Gulag as One Interrelated Whole', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 16, no. 3, 2015.
- Kodin E.V. *"Smolenskij arkhiv" i amerikanskaya sovetologiya* (Smolensk, 1998).
- Kotkin S. 'The State — Is It Us? Memoirs, Archives, and Kremlinologists', *The Russian Review*, vol. 61, no. 1, 2002.
- Levin E. 'The Russian Review: Continuity and Change', *The Russian Review*, vol. 60, no. 1, 2001.
- Menkovskiy V. I. *Istoriya i istoriografiya: Sovetskij Soyuz 1930-kh godov v trudakh anglo-amerikanskikh istorikov i politologov* (Minsk, 2007).
- Mohreschildt von D. 'The Founding of The Russian Review: A Memoir', *The Russian Review*, vol. 60, no. 1, 2001.
- Naimark N. 'Cold War Studies and New Archival Materials on Stalin', *The Russian Review*, vol. 61, no. 1, 2002.
- Osokina E. 'Comment: Life and Fate of Western Revisionism', *Slavic Review*, vol. 67, no. 3, 2008.
- Pipes R. *Vixi: Memoirs of a non-belonger* (Yale, New Haven and London, 2003).
- Raleigh D. 'Doing Soviet History: The Impact of the Archival Revolution', *The Russian Review*, vol. 61, no. 1, 2002.
- Rittersporn G. 'New Horizons: Conceptualizing the Soviet 1930s', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 2, no. 2, 2001.
- Shearer D. 'The Soviet Gulag — an Archipelago?', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 16, no. 3, 2015.
- Siddiqi A. 'Scientist and Specialists in the Gulag: Life and Death in Stalin's Sharashka', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 16, no. 3, 2015.
- Solomon P. 'Understanding the History of Soviet Criminal Justice: The Contribution of Archives and Other Sources', *The Russian Review*, vol. 74, no. 3, 2015.
- 'The Soviet Gulag: New Research and New Interpretations', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 16, no. 3, 2015.
- Viola L. 'Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 1, no. 1, 2000.
- Viola L. 'The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union', *The Russian Review*, vol. 61, no. 1, 2002.
- Viola L. 'The Other Archipelago: Kulak Deportations to the North in 1930', *Slavic Review*, vol. 60, no. 4, 2001.
- Viola L. 'The Question of the Perpetrator in Soviet History', *Slavic Review*, vol. 72, no. 1, 2013.
- Wildman A. 'The Future of Russian History', *The Russian Review*, vol. 60, no. 1, 2001.